

Немирович-Данченко Василий Иванович

Беспросветная глушь

Люди и природа южного Кавказа

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Беспросветная глушь: Люди и природа южного Кавказа / Немирович-Данченко Василий
Иванович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 146 с.

ISBN 978-5-519-98970-1

ISBN 978-5-519-98970-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

на лицѣ его владѣльца. Оружіе это ужасно мѣшало проводнику, но онъ скорѣе разстался бы съ буркой и папай, чѣмъ съ нимъ. Всюду, гдѣ ущелье расширялось и дно его образовывало довольно гладкую поверхность, бичо съ гикомъ и присвистомъ заскакивалъ впередъ, выхватывалъ кинжалъ изъ ноженъ и, размахивая имъ надъ головой, выдѣлывалъ на лошади самыя головокружительныя курбеты, повороты и лансады.

— Пускай разбойникъ будить, чичасъ далой башка!..

И размахи кинжала становились еще энергичнѣе.

— У тебя и кинжалъ, вѣрно, знаменитый? спрашиваю его, зная слабость моего бичо.

Тотъ даже зажмурился.

— Кюръ-оглу слыхалъ? Его ханджаръ самый. Тысяча душъ Кюръ-оглу рѣзилъ этимъ ханджаромъ. Иниралъ рѣзилъ, купца съ миндаломъ *) рѣзилъ, тигра рѣзилъ, левъ рѣзилъ!..

И бичо пытливо посмотрѣлъ мнѣ въ глаза, желая, повидимому, убѣдиться: повѣрю ли я въ существованіе львовъ на Кавказѣ или усомнюсь.

Аджара, куда я ѣхалъ, составляетъ часть турецкой Грузіи. Эта горная и дикая страна доступна только съ трехъ пунктовъ: изъ Батума проходомъ Аджара-цхвали, Кваблѣанскимъ ущельемъ Ахалцыхскаго пашалыка и изъ Гуріи рѣками Супсой, Губазевли и другими. Аджарцы тѣ же гурійцы, только омусульманившіеся. Здѣсь въ разныхъ трущо-

*) Миндаль — медаль.

бахъ разбросано около семидесяти деревень, съ 15,000 жителей, съ трудомъ отстаивающихъ свою національность отъ турецкаго вліянія, мало-по-малу захватывающаго въ свой районъ послѣднія гнѣзда грузинскаго племени. Съ каждымъ днемъ въ Аджарѣ замѣтно исчезаютъ послѣдніе слѣды христіанства, которое нѣкогда исповѣдывало все мѣстное населеніе. По свидѣтельству Дмитрія Бакрадзе, исламъ внесенъ былъ сначала въ Лазистанъ, потомъ въ Чорохское ущелье и уже изъ нынѣшняго ахалцыхскаго уѣзда проникъ въ Аджару. Акты, найденные въ Гуріи, свидѣтельствуютъ, что мѣстечко Хино, гдѣ даже было пребываніе епископа, только въ 1790 году приняло магометанскую религію. До сихъ поръ въ разныхъ пунктахъ этого интереснаго края встрѣчаются развалины храмовъ, самыя величественныя, самыя изящныя въ Грузіи. Аджара была прежде владѣніемъ князей Гуріели. Въ 1483 г. она находилась въ рукахъ перваго извѣстнаго Гуріеля-Кахабера. Нѣсколько разъ она переходила къ Турціи, но всегда возвращалась обратно послѣ кровопролитныхъ войнъ. Такъ, напримѣръ, Гуріель Маміа II въ 1609 г. истребилъ здѣсь турецкія войска, сжегъ мусульманскія поселенія и присоединилъ къ своему царству Аджару, но опять ненадолго.

✓ Меня, впрочемъ, мало интересовало прошлое этой страны. Древніе акты и душевные архивы не особенно привлекательны; напротивъ, въ моихъ глазахъ, мой проводникъ Вано Варданія представлялъ несравненно болѣе живую и интересную лѣтопись,

цѣлый и ходячій архивъ народнаго міросозерцанія. Каждая жалкая деревушка, прилѣпившаяся къ лысинѣ какого-нибудь утеса, такъ и тянула къ себѣ. Среди развалинъ, затканыхъ бѣлой акаціей и широколистной бегоніей, я готовъ былъ проводить цѣлые дни, не мудрствуя лукаво, а въ волю пользуясь свѣтомъ и прохладой, заглядываясь на таинственную синеву горныхъ силуэтовъ, заслонившихъ золотистыя дали южнаго полудня. Мнѣ хотѣлось уйти туда подальше, схорониться въ такую глушь, гдѣ бы все было и ново, и оригинально, гдѣ бы каждая встрѣча казалась выхваченной изъ «Тысячи и одной ночи». Отъ сакли къ сакли, отъ аула къ аулу, отъ ущелья къ ущелью!.. Солнце грѣетъ, дождевыя тучи пока проходятъ мимо, дорога выдвигаетъ, одинъ за другимъ, самые поразительные виды горныхъ узловъ, долинъ и утесовъ, розовыя кисти шелковистой акаціи напояють воздухъ такимъ ароматомъ, рододендроны, азалии и дикій жасминъ такъ и бьютъ въ носъ на каждомъ шагу, — до архивовъ ли тутъ и историческихъ актовъ! Господь съ ними!..

— Батоно! Еще три верста и балшой аулъ будить. Толки ты туда ѣзжай одна.

— Что такъ?

— Такой дѣлъ былъ. Мой отца рѣзилъ башка его отца.

— Кого это его?

— Леонъ Цулукидзе.

— Ты, значить, боишься показываться туда?

— Зачѣмъ боится? А толки ни надо рамбавія

(шумъ) дѣлать... Чужой народъ, сичасъ! Тутъ Сафаръ-бей есть, онъ посадить въ турма... ты ѣзжай одна!..

Мы съ нимъ условились встрѣтиться въ двухъ верстахъ отъ аула,—иначе не знаю, какъ и назвать это становище гурійскихъ мусульманъ. Избѣгая «шайтана Леона Цулукидзе», мой бичо долженъ былъ провести всю ночь въ развалинахъ стараго замка, вѣнчавшихъ вершину утесистой горы.

Ущельемъ Кара-су мы ѣхали уже второй день. Я не могу до сихъ поръ забыть этого уголка Аджары. Въ самомъ началѣ передъ нами словно легла извилистая щель между двумя рядами голубыхъ горъ. Въ глубинѣ этой щели стоялъ точно туманъ. Гдѣ онъ былъ гуще, тамъ откосы горъ врѣзывались въ ущелье, гдѣ онъ разстилался ровною полосой, тамъ можно было отгадывать неширокія площадки, образуемыя раздвигавшимися стѣнами этой трещины. Даль ея манила къ себѣ своею заманчивою синью. Надъ однообразнымъ колоритомъ ущелья висѣли бѣлыя, кое-гдѣ сверкавшія рѣжущимъ глаза блескомъ снѣговыя шапки Чарахъ-дага и другихъ великановъ...

Въ это время мы переѣзжали какую-то небольшую рѣчонку, разливавшуюся здѣсь пятью рукавами. Лошади сторожко ступали въ шипѣвшую подъ ними воду, иногда изъ-подъ копытъ вывертывались круглые, выполированные водой камешки, и конь почти оступался и на минуту пріостанавливался, подаваясь назадъ. Надъ нами опрокидыва-

лось безоблачное небо, словно еще раздвигавшееся въ даль и въ высоту. Черною точкою въ недосигаемой глубинѣ его висѣлъ горный орелъ. Въ душѣ незамѣтно росло впечатлѣніе свѣжести и простора. Въ этой глуши, несмотря на зной и на зло безлюдью, дышалось легко и весело. Гдѣ-то слышался рѣзкій, хищный крикъ и что-то, грузно прорѣзывая воздухъ, камнемъ шлепнулось въ зеленую чащу айвовыхъ деревьевъ.

Переправу мы кончили благополучно и тутъ уже ущелье Кара-су раздвинулось передъ нами во всей своей красотѣ и дикомъ величіи. Громады горъ словно разсѣлись, чтобы пропустить тонкую бить тихаго потока, который весною, питаясь стоками таящаго снѣга, заливаєтъ всѣ окрестности и часто смываєтъ внизъ цѣлыя скалы, подтачивая ихъ глинистыя основанія.

Дорога,—если можно назвать такъ узкую тропинку, гдѣ трудно разѣхаться двумъ конямъ,—взбѣгала на одну изъ зеленыхъ горъ. Громадные дубы и величавые буки устлали всѣ понизи. Кое-гдѣ болѣе темная полоса орѣшниковъ охватывала и глушила со всѣхъ сторонъ крупныя каштановыя деревья, съ которыхъ въ эту пору красиво свѣшивались внизъ благоухающія кисти цвѣтовъ.

Выше тропинки, на яркомъ фонѣ неба, тонко рисовались граціозныя силуэты хвойнаго лѣса. Иногда одинокая сосна, взбѣжавъ на верхушку горы, красовалась на юру, словно кокетничая каждымъ своимъ изгибомъ, каждою своею вѣтвью. На

эти сосны, привычныя сѣверянину, съ особеннымъ торжествомъ, какъ на нѣчто рѣдкое, особенное, чрезвычайное, указывалъ мой проводникъ.

Вправо и влѣво отъ Карасуйскаго ущелья, какъ сырыя, черныя трещины, ложились другія ущелья, извилистыя, покрытыя сплошь неисходными лѣсами, любимымъ притономъ кабановъ. Часто оттуда съ громкимъ ревомъ вырывались горныя рѣчонки, словно взбивая мыло вокругъ cadaго утеса, преградившаго имъ путь. Иногда, впрочемъ, и утеса не видно. Надъ нимъ только вздрагиваетъ, пузырится и сверкаетъ радужными отблесками цѣлая масса пѣны.

Путь какъ-то пошелъ зигзагами. Тутъ былъ крутой спускъ внизъ. Пришлось крѣпко подтянуть поводья. Мохнатая, маленькая лошаденка часто приостанавливалась, оглядывая пониже умными глазами. На обрывахъ она буквально сползала внизъ. Присѣдая на заднія ноги, она прямо вытягивала переднія и съѣзжала на нихъ, сторожко храпя и поводя ушами. Въ одномъ мѣстѣ я даже не рѣшился остаться въ сѣдлѣ и пустилъ коня одного. Оказалось, что лошадь при этомъ сошла внизъ гораздо легче и удачнѣе моего. Скатываясь по откосу, едва успѣвая хвататься за кусты, попадавшіеся направо и налево, получая чувствительные удары то отъ некстати подвернушагося каменнаго выступа, то отъ внезапно развернувшейся вѣтки, я имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ умно и осторожно съѣзжалъ внизъ мой буфецаль, также вытягивая переднія

ноги, какъ канаты, и почти сидя на подвернутомъ хвостѣ. Спина его въ этомъ положеніи составляла почти горизонтальную линію. На другомъ конѣ беззаботно сидѣлъ мой бичо, съ усмѣшкой поглядывая на тщетныя усилія своего «батона» цѣлымъ и невредимымъ добраться до зеленой и сочной понизи. Всего хуже было, когда я попалъ въ колючіе кусты, цвѣты которыхъ пахли очень хорошо. Это былъ какой-то душистый, но въ то же время невыразимо пріятный ароматъ. Разумѣется, я оцѣнилъ его уже впоследствии. Въ тѣ же минуты я не чувствовалъ никакого удовольствія отъ шиповъ, вонзавшихся мнѣ въ бока, царапавшихъ руки, раздиравшихъ лицо. Въ одномъ мѣстѣ пришлось неожиданно наткнуться на золотистую съ черными бархатными пятнами змѣю. На мигъ — ощущеніе чего-то мягкаго и холоднаго... противное ощущеніе!.. Потомъ опять душистый ароматъ и шипы густого кустарника. Я, наконецъ, упалъ въ стоячую лужу, спугнувъ оттуда какое-то черное тѣло, шарахнувшееся въ чащу орѣшника. Кабанъ или смиренный волъ — трудно было замѣтить впопыхахъ. Съ тѣхъ поръ я рѣшилъ разъ навсегда не рисковать излишнимъ скотолобіемъ, и, какъ ни были круты и узки тропинки, преспокойно оставался въ сѣдлѣ.

Что можетъ сравниться съ чащею этихъ лѣсовъ, съ этой благодатной прохладой, когда, ошалѣвъ отъ страшнаго жара, охвытывающаго путника на припекѣ, разомъ погружаешься въ полное тьмы и холода царство дубовъ и буковъ, всѣ промежи между

которыми затканы лавровишнями и рододендронами! А эти, въ свою очередь, перевиты такою головокружительною путаницею дикой лозы и плюща, съ которою только и может поспорить самая чудовищная, самая прихотливая восточная арабеска. Изрѣдка солнце чисто-изумрудными лучами проникаетъ сквозь эту густоту листвы и цвѣтовъ и изумрудными же, движущимися пятнами ложится на тихія поляны. Въ одномъ мѣстѣ на такой полянѣ я встрѣтилъ знакомую гурійскую хижину. Плоская кровля выходила далеко за переднюю стѣну жилья, образуя родъ веранды. Оконъ не было, только двери. Внутри тьма и прохлада, полъ посыпанъ какими-то благоухающими цвѣтами, вокругъ дома—поле кукурузы, и только... Кувшины подвѣшены подъ кровлей и холодѣетъ въ нихъ вода подъ вѣтромъ.

— Есть тутъ кто? спросилъ бичо по-гурійски.

Молчаніе. Въ темнотѣ трудно было различить что-нибудь. Гдѣ-то клохтала курица.

Мы уже хотѣли выйти, какъ на тахтѣ послышался шорохъ. Точно въ углу шевельнулось что-нибудь.

— Эй, кто здѣсь? Не обидимъ.

И бичо, обшаривъ уголь, встрѣтилъ тамъ что-то живое.

Послышались почти дѣтскія всхлипыванія и робкій голосъ.

— Оставь, не трогай, крикнулъ я.

— Зачимъ оставь. Вода нужна, шашлыкъ надо. Онъ вытащилъ на свѣтъ Божій преграціозное со-

зданіе. Дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, едва прикрытая жалкими лохмотьями, съ цѣлою копной волосъ на головѣ. На лицѣ только и можно было различить большіе черные глаза, прорѣзанные миндалинами. Они уже теперь сверкали лучистымъ блескомъ. Но ребенокъ былъ хорошъ только издали. Вблизи кидалась въ глаза страшная грязь, точно дѣвочка не вѣдала о существованіи воды и мыла. Эта новая Сандрильона прекрасно, какъ оказалось, знала счетъ на русскія деньги. Заполучивъ абазъ, она стала словоохотлива и, почесываясь, жаловалась на «тигра», который будто бы рѣжетъ ихъ овецъ безпощадно. Съ овцами отлучился и отецъ ея.

— А мать у тебя есть?

— Мать къ туркамъ ушла.

— Это зачѣмъ?

— Въ гаремъ. Сама хотѣла. Отецъ ее и продалъ,—повелъ въ Хулу, тамъ и продалъ. Она рада была. У Софаръ-бека теперь... Черезъ два года и меня продастъ.

Точно она говорила о курицѣ, клохтавшей тутъ же; равнодушно, какъ будто этому такъ и слѣдуетъ быть.

Мы поинтересовались узнать ея личное мнѣніе о такой куплѣ и продажѣ.

— Тамъ хорошо. Плову ѣшь сколько хочешь. На лобъ ожерелье повѣсятъ изъ золотыхъ тумановъ, на шею абазы въ нѣсколько рядовъ. Красное платье изъ мови, канаусовые шаровары, желтые чевяки.

Лицо дѣвочки оживилось, зарумянилось. При од-

ной мысли о канаусовыхъ шароварахъ она какъ-то выпрямилась и, словно большая, прошла по верандѣ, стараясь показать, какъ она будетъ шуршать этой великолѣпною частью восточнаго женскаго туалета. Она даже красива стала въ эту минуту, не какъ дитя, а какъ дѣвушка. Можно было отгадать въ ней роскошный расцвѣтъ и впередъ поздравить чадолюбиваго отца съ значительнымъ калымомъ.

Смѣясь надъ моимъ недоумѣніемъ, мой проводникъ рассказалъ, что въ Имеретіи и Гуріи до сихъ поръ даже отцы-христіане продаютъ своихъ дочерей, а аджарскимъ грузинамъ мусульманскаго исповѣданія и Богъ велѣлъ. На Кавказѣ очень красивую дѣвушку богатые турки покупаютъ за шестьдесятъ рублей, при чемъ сумма эта въ голодные годы нисходитъ до сорока. Дѣвушки идутъ охотно, потому что «канаусовые шаровары» и жирный пловъ все же привлекательнѣе одной и той же неизмѣнной кукурузы и грязныхъ лохмотьевъ родительскаго угла. Случается, что какая-нибудь гурійская красавица сама уходитъ ночью изъ дому прямо въ руки агентовъ, торгующихъ женщинами для турецкихъ гаремовъ. Добраться только до Сухумъ-Кале, Поти, Озургета, а тамъ сѣли въ турецкую фелуку и—поминай какъ звали! Въ прежнее время Гурія для турокъ была нѣкоторымъ образомъ разсадникомъ женщинъ для гаремовъ. Батаги турецкихъ разбойниковъ трудными тропинками пробирались сюда, окружали села и часто, перебивъ мужчинъ и ста-